

Д.С. Коньков

СВИДЕТЕЛЬ И ХРИСТИАНИН: КОНЦЕПТ ИСТОРИОПИСАНИЯ В ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

Рассматривается проблема понимания историописания в поздней Античности. Римские авторы формировали этот концепт как рассказ о текущих событиях и пересказ прошлых, подразумевая использование исторического повествования в качестве примеров и прецедентов. Трансформация этого понимания в период поздней Античности зачастую трактуется как разрыв с классической традицией в результате распространения христианства. Автору представляется, что это неверно, поскольку свидетельствование и истинность остаются ведущими характеристиками историописания, а работы классических авторов – частью образования.

Ключевые слова: историописание; история понятий; поздняя Античность; историография Римской империи; христианство в Римской империи; преемственность традиции.

Понимание истории и историописания в Римской империи – насущная проблема, которая требует решения в рамках современной исторической науки. Развитие постмодернистского дискурса и последствия лингвистического поворота требуют интерпретировать историографию Древнего Рима, опираясь на смыслы, вложенные в тексты и термины самими авторами этих текстов. Реконструкция образов прошлого, создаваемая современными историками, напрямую зависит от этих смыслов. Однако нередко исследователь подменяет – осознанно или нет – интенции источника собственными смыслами. От этого предостерегает Х.-Г. Гадамер, говоря о герменевтическом толковании в социальных и гуманитарных науках. Чтобы избежать этой ошибки, необходимо обратиться к дефинициям, сформулированным самими римлянами, и рассмотреть контекст понимания историописания в римской античности в целом. Это позволит выявить семантические точки опоры, маркеры, опираясь на которые можно будет проследить динамику трансформации взглядов на историописание на протяжении существования Римской империи.

Латинская историография традиционно представлена в исторической науке текстами золотого и серебряного веков римской классики (I в. до н.э. – II в. н.э.), и образ римского историописания в целом сформирован на основе конкретных работ Саллюстия Криспа, Тита Ливия и Тацита. Действительно, они являлись образцовыми и для последующего времени. Однако ими римская историография не исчерпывается. Период поздней Античности характеризуется значительными идеологическими, религиозными и мировоззренческими трансформациями по сравнению с эпохой римской классики, что повлияло и на восприятие истории. Соответственно, подход к историописанию изменился; однако рефлексия собственно римских авторов по поводу этого изменения практически отсутствует. В современной литературе оценка периода поздней Античности с точки зрения его историографической специфики остается достаточно дискуссионной, что отчасти отражено в тексте данной статьи. Соответственно, ее целью является выявление особенностей понимания историописания в период поздней Античности в Западной империи.

Методологически данное исследование основывается на принципах, предложенных Р. Козеллеком в его концепции *Begriffsgeschichte* – истории понятий. Непосредственно сам Р. Козеллек затрагивал тему понимания истории в древнеримские времена в своем тексте «*Historia Magistra Vitae. Über die Auflösung des Topos im Horizont neuzeitlich bewegter Geschichte*», впервые опубликованном в 1979 г. В нем ученый раскрывал понимание известного нарицательного выражения об истории как учительнице жизни в период Античности и противопоставлял его пониманию, которое родилось в эпоху Просвещения в результате актуализирующего переосмысления и сильного семантического сдвига [1]. Несмотря на то что внимание Р. Козеллека сосредоточено в первую очередь на изменениях в семантике и словоупотреблении, связанных с Новым временем, представляется, что возможно использовать его подход и для более ранних исторических периодов. Однако это возможно сделать только с некоторыми оговорками. Р. Козеллек фокусируется на рефлексивных определениях, приводимых в словарях, энциклопедиях, философских и политических текстах. Однако, как отмечалось, в период поздней Античности понятийная рефлексия встречается достаточно редко. Поэтому представляется более результативным опереться на известные дефиниции и проследить корреляцию с ними позднеантичных исторических текстов. Необходимо учитывать и высокую степень преемственности и канонизации в римской историографической традиции, что дает возможность выявить понимание историописания через соотнесение авторами себя с выборкой предшественников.

Также, как отмечает Р. Козеллек, трансформация понятийного аппарата тесно связана с социальной историей и, соответственно, жизненным опытом авторов исторических текстов. Поэтому невозможно, с его точки зрения, отделять и противопоставлять *Begriffsgeschichte* и социальную историю. Безусловно, нельзя рассматривать концепт историописания безотносительно к историческому фону. Ключевым историческим событием, повлиявшим на трансформацию историописания в римскую эпоху, считается распространение христианства в империи. Тот же Р. Козеллек полагает, что Евсевий, Августин и Орозий игнорировали

предшествующий инструментарий и опыт в той степени, в которой они не соответствовали христианскому мировоззрению [2. Р. 156]. Представляется, однако, что взаимосвязь текста и контекста в данном случае более сложная и неоднозначная, чем единомоментное революционное преобразование с отбрасыванием существовавшей традиции. В данной статье историописание рассматривается как динамический концепт, связанный в своем бытовании с историческим контекстом, и в то же время континуальный, преемственный по отношению к сложившейся традиции. Понятийные категории историка как свидетеля и историка как христианина, вынесенные в заглавие статьи, являются центральными для формирования позднеантичного дискурса.

Главным и наиболее часто цитируемым автором в отношении понимания историописания римлянами является Авл Геллий, в свою очередь цитировавший Веррия Флакка: «“Historiam” ab “annalibus” quidam differre eo putant, quod, cum utrumque sit rerum gestarum narratio, earum tamen proprie rerum sit “historia”, quibus rebus gerendis interfuerit is, qui narret... historia Graece significet rerum cognitionem praesentium... Ita “historias” quidem esse aiunt rerum gestarum vel expositionem vel demonstrationem vel quo alio nomine id dicendum est...» (V, 18, 1–2, 6) («Некоторые полагают, что история от annalibus отличается тем, что, хотя и то, и другое представляет собой рассказ о событиях, однако собственно историей является [описание] тех дел, в совершении которых принимал участие рассказчик... по-гречески история означает исследование текущих событий... Итак, некоторые говорят, что история – либо изложение, либо точное описание событий, либо рассказ в какой-либо иной манере...» (пер. А.Б. Егорова)) [3. С. 279–280]. Термин «res gestae», переданный в данном фрагменте как «событие», чаще и более корректно переводится словом «деяние». Таким образом, в центре внимания истории – конкретные дела и поступки (и, логически следует предположить, конкретные люди, которые их совершают). Деяния можно излагать (expositio), наглядно показывать (demonstratio) или познавать, расследовать (cognitio). В любом случае, предполагается, что человек, который этим займется, – историк – должен быть участником описываемых им деяний; соответственно, исторические деяния в узком понимании для римлян относились не к прошлому, а к настоящему или недавно случившемуся.

Сервий в своих комментариях к «Энеиде» спустя два столетия практически повторяет, даже усиливает мысль Авла Геллия: «inter historiam et annales hoc interest: historia est eorum temporum quae vel vidimus vel videre potuimus, dicta ἀπὸ τοῦ ἰστορεῖν, id est videre; annales vero sunt eorum temporum, quae aetas nostra non novit: unde Livius ex annalibus et historia constab» (I, 373) («Вот какая разница существует между историей и анналами. История рассказывает о тех временах, которые мы видели или могли видеть, и получила название от греческого глагола historein, т.е. “видеть”. Анналы же говорят о тех временах, которые наше поколение не знало. Поэтому Ливий складывается из Annalibus и Historiae» (пер. Н.А. Федорова)) [4. С. 284].

Таким образом, еще раз подчеркивается, что историописание в чистом виде должно осуществляться очевидцем или по меньшей мере современником.

Наиболее полное рассмотрение всех смысловых оттенков терминов «история» и «историописание» содержится в «Этимологиях» Исидора Севильского. Хотя формально это произведение, будучи создано в VII в., не относится к периоду античности, но, будучи компендиумом, оно суммирует и подытоживает огромный корпус латинских текстов. Неудивительно, что в главе, посвященной истории, в известном «Словаре основных исторических понятий» под редакцией Р. Козеллека О. Энгельс обращается именно к Исидору, лишь мельком упоминая Авла Геллия и Сервия [5. С. 70–71]. Исидор дает следующее определение истории: «Historia est narratio rei gestae, per quam ea, quae in praeterito facta sunt, dinoscuntur. Dicta autem Graece historia ΑΡΟ ΤΟΥ ΙΣΤΟΡΕΙΝ, id est a videre vel cognoscere. Apud veteres enim nemo conscribat historiam, nisi is qui interfuisset, et ea quae conscribenda essent vidisset. Melius enim oculis quae fiunt deprehendimus, quam quae auditione colligimus. Quae enim videntur, sine mendacio proferuntur. Haec disciplina ad Grammaticam pertinet, quia quidquid dignum memoria est litteris mandatur» (I, 41) («История есть повествование о событиях, при помощи которого становится известным то, что было сделано в прошлом. Названа же история у греков ΑΡΟ ΤΟΥ ΙΣΤΟΡΕΙΝ, т.е. «от видения» или узнавания. У древних ведь никто не писал историю, если не присутствовал [при описываемых событиях] и не видел сам то, что записывал. Мы ведь лучше замечаем глазами то, что совершается, чем воспринимаем на слух. Ведь то, что видят, высказывают без обмана. Эта наука относится к грамматике, ибо все, сколько-нибудь достойное памяти, передается посредством букв» (здесь и далее пер. Л.А. Харитоновой)) [6. С. 64]. Здесь, помимо воспроизведенного принципа истории как прямого засвидетельствования событий, следует обратить внимание на артикулированное объяснение этого принципа. Увиденное высказывается без обмана – хотя здесь, скорее, имеется в виду без искажений, домыслов. Таким образом, история – это свидетельство очевидца, и оно воспринимается как априори достоверное. Именно в достоверности, точности передачи деяний ее сущностный смысл. Эта передача осуществляется путем παρὰ τὸ, письменного повествования, и никак иначе – из-за чего история является разделом грамматики и, по умолчанию, ее изложение подчинено грамматическим канонам. Несколько смущающий термин «наука», использованный Л.А. Харитоновым для перевода слова «disciplina», по ассоциативной цепочке отсылает к историческому познанию как к аналитике, однако это неверно. «Disciplina» здесь означает буквально дисциплину как род занятий, дело, научение.

Несколько ниже Исидор раскрывает значение истории более полно: «Inter historiam autem et annales hoc interest, quod historia est eorum temporum quae vidimus, annales vero sunt eorum annorum quos aetas nostra non novit. Unde Sallustius ex historia, Livius, Eusebius et Hieronymus ex annalibus et historia constant. Item inter historiam et argumentum et fabulam interesse. Nam historiae sunt res verae quae factae sunt; argumenta sunt quae etsi facta non sunt,

fieri tamen possunt; fabulae vero sunt quae nec factae sunt nec fieri possunt, quia contra naturam sunt» (I, 44, 4–5) («История же тем и отличается от анналов, что история – это [события] того времени, которое мы наблюдаем, анналы же – [события] того времени, которое было не в наши лета. Поэтому [книги] Саллюстия содержат историю, а [книги] Ливия, Евсевия, Иеронима – анналы и историю. Также и между историей, рассказом и басней есть различие. Ведь истории – это истинные дела, которые произошли, рассказы – это то, что, хотя и не произошло, однако же могло быть, а басни – это то, чего не было и быть не могло, ибо они противостественны») [6. С. 65]. Транспируя озвученную уже Сервием позицию различения истории и анналов по принципу повествование о прошлом – повествование о настоящем, Исидор расширяет список примеров авторов-историков христианскими писателями – Евсевием и Иеронимом. Подобно Ливию, они писали одновременно и анналы, и историю, поскольку начинали повествование с библейских времен, а заканчивали собственной эпохой. Таким образом, помимо анналов и истории как двух видов исторических сочинений, выделяется третий, синкретический, в котором одна часть состоит из анналов, а другая – из собственно истории. Несмотря на фундаментальность, с точки зрения Сервия и Исидора этот вид явно лишен целостности и внутреннего единства, поскольку его части основаны на разных подходах. Наконец, еще одна классификация, которую подчеркивает Исидор, – различие истории и басен. История – истинные деяния, которые были на самом деле, в отличие от басен, сказок, которые невозможны по природе вещей. Вновь повторяется противопоставление истинности, фактичности выдумке, фантазии. Определение истории выстраивается на двух бинарных оппозициях: настоящее–прошлое и истина–ложь.

Эту особенность восприятия историописания в период античности подробно рассматривают И.М. Савельева и А.В. Полетаев, предлагая матрицу классификации античных нарративов по критериям правдоподобности и истинности. В ней история – жанр, претендующий на абсолютное соответствие этим критериям [7. С. 23–24]. Подытоживая свое рассуждение, авторы указывают на то, что под историей в период античности понималось нечто совершенно иное по сравнению с современным смыслом этого слова [7. С. 34]. Они имеют в виду прагматический смысл, вкладываемый в историческое сочинение в то время и определяющий требование истинности. С функциональной точки зрения историописание должно было предложить способы решения текущих проблем и образцы морального поведения [7. С. 29–30]. Действительно, Исидор, говоря о пользе истории, указывает на то, что «multi enim sapientes praeterita hominum gesta ad institutionem praesentium historiis indiderunt...» («Многие мудрецы прошлые деяния людей вводят в современные установления при помощи историй...») [6. С. 65]), подразумевая, что исторические работы являются источником правовых установлений.

Таким образом, особенности и функции историописания были в период поздней Античности достаточно четко определены и являлись общими и для языческих, и для христианских авторов. По крайней мере, Исидор не затрудняется ставить в один ряд Ливия и Евсевия,

что свидетельствует об отсутствии в его восприятии жесткого разделения историописания на языческое и христианское. Однако это разделение присутствует в современной историографии благодаря устойчивой традиции противопоставления язычества и христианства в поздней античности, берущей начало, вероятно, от хрестоматийной статьи А. Момильяно [8]. В отличие от языческих авторов, христианские историки, как отмечает А. Момильяно, создавали не описание событий, а религиозную философию истории. При этом А. Момильяно подчеркивает, что прямого конфликта между двумя традициями историописания в IV в. не было, поскольку Евсевий создал собственную нишу церковной истории, не конкурентную классическому взгляду. Исследователь указывает на то, что различие в целях ставило христианскую историографию в заведомо выгодное положение. Христиане свободно использовали языческие работы для собственных нужд, поскольку языческое историописание – это просто максимально достоверное изложение событий; язычники же не могли ответить тем же из-за агиографической и полемической природы работ христиан. А. Момильяно пытался найти в позднеантичной историографии свидетельства борьбы язычества и христианства, но сделал при этом такие оговорки, которые приводят скорее к мысли об обратном. Противостояние язычества и христианства показано им с помощью собственного дискурса, построенного на понятиях атаки и обороны. Точка зрения А. Момильяно во второй половине XX в. стала достаточно распространенной, и до сих пор встречается во взглядах антиковедов.

А.И. Сидоров образно пишет, что на излете существования Римской империи под звание языческой историографии была заложена бомба в виде христианства – языческих историков просто перестали читать [9. С. 38]. В. Либешутц пытается объяснить это изменение более развернуто. Он констатирует для Западной империи смерть классического историописания около 400 года; на Востоке же, где формируется традиция церковной истории через преемников Евсевия – Сократа Схоластика, Созомена и Феодорита Кирского – общее распространение исторических работ все же сильно уступает таким жанрам, как панегирики и письма. Это позволяет ему сделать вывод, что в данный период снижается интерес к истории как к познанию деяний прошлого вообще [10. Р. 216]. Эту же позицию высказывает и К. Майер, отмечая, что в сознании христиан того времени история занимала очень ограниченное место [5. С. 69]. С точки зрения В. Либешутца, это объясняется тем, что люди перестали верить в возможность истории дать нечто действительно важное для настоящего по сравнению с божественным откровением [10. Р. 216]. Тем самым основная польза истории оказалась под вопросом.

Однако представляется, что заявление о смерти классического историописания – это риторическое преувеличение. Церковная история как жанр в значительной степени перенимает те принципы, на которых было основано дохристианское историописание. Х. Леппин отмечает явную тенденцию к слиянию этих традиций, особенно на примере Созомена [11. Р. 253].

Историки церкви обосновывают необходимость написания своих произведений сохранением памяти о значимых деяниях прошлого, что все же предполагает сравнение прошлого с настоящим [12. Р. 150–151]. В частности, такие особенности исторического сочинения, как достоверность и авторство современника описываемых событий, сохраняют свою актуальность. По крайней мере, Д. Рорбахер указывает на то, что Аммиан Марцеллин и Евнапий утверждали полное соответствие исторических произведений истине, и большинство историков, в том числе и христиан, ссылались на личное участие в тех или иных описываемых событиях в качестве обоснования достоверности изложения и ради привлечения читателей [12. Р. 153].

В. Либешутц говорит об упадке именно западного историописания. Безусловно, греческая и латинская традиции историописания в период поздней Античности серьезно отличались друг от друга, поскольку формировались в разных условиях и ставили перед собой разные задачи. Однако констатировать полный упадок историописания на Западе нельзя, пусть оно и было менее активным, нежели на Востоке. Переводы работ Евсевия, осуществленные Иеронимом Стридонским и Руфином Аквилейским в конце IV в., ознаменовали рост интереса к истории в латиноязычном мире. Не замедлили появиться и такие оригинальные исторические сочинения, как «Хроника в двух книгах» Сульпиция Севера и «История против язычников» Павла Орозия. Последний является наиболее известным автором среди западных историков того времени, образцом и источником цитирования для последующих авторов. При этом характерно, что он не ссылается в своей работе на каких-либо христианских предшественников, по крайней мере в открытую. В то же время он прямо и многократно цитирует языческих писателей – Тацита, Помпея Трога, Тита Ливия. В.М. Тюленев объясняет это изначальной целью работы Орозия – убеждением язычников в правоте христианства на основе языческих же сочинений. Замалчивание же имен христианских авторов, как считает В.М. Тюленев, было вызвано миролюбивым желанием Орозия снизить остроту противопоставления христианства и язычества и градус конфликтной полемики [13. С. 16–17]. Впрочем, Д. Рорбахер замечает в этом отношении, что Орозий относился к своим языческим предшественникам довольно скептически, обвиняя их в преувеличении успехов родной страны из патриотических побуждений [12. Р. 157]. В то же время, по мнению Г. Дзеччини, Орозий своим риторическим изысканным стилем обозначил сознательное стремление вернуться к классическим традициям историописания. Он создавал универсалистское повествование, и в этом единственным его предшественником был Помпей Трог [14. Р. 321].

Помпей Трог, а точнее эпитома его сочинения, сделанная Юстином, являлся одним из главных источников для подражания и формирования исторической концепции Сульпиция Севера, еще одного значимого историка латинского Запада начала V в [14. Р. 335–336]. Д.Н. Старостин, суммируя существующие взгляды на концепцию хроники Сульпиция Севера, указывает, что этот автор использовал

подходы как классического, так и церковного историописания, опираясь на традицию светских историков, но признавая при этом ведущий авторитет церковных писателей и историчность библейских сведений [15. С. 408].

Следует вспомнить и авторов более позднего периода, в данном случае – VI в. Так, Кассиодор перечисляет в главе, посвященной христианским историкам, наиболее важные, с его точки зрения, имена. Это Иосиф Флавий, второй Тит Ливий, как его называет Кассиодор, Евсевий Кесарийский, его продолжатели Сократ Схоластик, Созомен и Феодорит, и, наконец, Орозий («ut est Ioseppus, paene secundus Livius <...>. post haec autem legenda est historia quae ab Eusebio quidem decem voluminibus Graeco sermone conscripta <...>. post historiam vero Eusebii apud Graecos Socrates, Sozomenus et Theodoritus sequentia conscripserunt <...>. Orosius quoque, Christianorum temporum paganorumque collator, praesto vobis est, si eum legere volueritis» (Cass. Inst. I, 17, 1)). Б. Гене обнаруживает подобный список в «Институциях» Флавия Кассиодора и полагает, что упомянутые в нем фигуры оставались базовыми для историописания в течение всего Средневековья [16. С. 344]. Греческие авторы указаны в латинских переводах Иеронима, Руфина, Епифания и самого Кассиодора. Необходимо отметить, что в главе речь идет, в соответствии с заглавием, именно о христианских историках, что подразумевает выведение за скобки всех дохристианских авторов. Тем не менее Кассиодор включил в свой перечень Иосифа Флавия, который христианином не был. Более того, он сравнил его с Титом Ливием, явно признав авторитет последнего. Следовательно, перечисленные Кассиодором историки-христиане не исчерпывали весь историографический багаж поздней античности, и, по крайней мере, Тит Ливий продолжал оставаться образцом историописания.

Григорий Турский, современник Кассиодора, в своей «Истории франков» прямо называет тех авторов, которых избрал в качестве образца: Евсевия, Сульпиция Севера, Иеронима, Орозия (Hist. Franc. II, Prefacio) [17. С. 26]. Кроме того, в тексте он приводит две прямые цитаты из «Заговора Катилины» Саллюстия (IV, 13; VII, 1), показывая свое хорошее знание по крайней мере этого дохристианского историка. Однако в этой связи Д.Н. Старостин указывает, что следует различать авторов, которых сам Григорий Турский называл в качестве примера для себя, и сочинения, которые просто являлись источниками информации [18. С. 127]. В данном случае христианские историки явно находятся в приоритете. Саллюстий же используется даже не с точки зрения содержащихся в его текстах исторических сведений, а как украшение стиля, по мнению В.Д. Савуковой. Цитаты, приведенные Григорием, являлись следствием его школьного образования в детстве, поскольку тексты Саллюстия изучались в качестве грамматических и риторических образцов [19. С. 349]. Однако представляется, что нельзя расценивать отсылки Григория к Саллюстию только как стилистические виньетки. В обоих случаях цитирования Григорий выбирает фразы, описывающие сложности занятия историописанием: во-первых, в связи с необходимостью соблюдать максимальную корректность

выражений и возможностью вызвать недоброжелательство, а во-вторых, в связи с нахождением баланса между равнодушием и недоверием читателя. Это говорит о том, что Саллюстий все же являлся авторитетной фигурой для Григория в оценке роли историописания для самого историка и специфики этой деятельности. Понимание Григорием Турским принципов создания исторического сочинения и его базовых смыслов основывается в числе прочего на идеях, декларируемых в классической римской историографии. Следовательно, концептуального разрыва традиции здесь нет. В то же время Григорий не ссылается ни на упомянутых Кассиодором Тита Ливия и Иосифа Флавия, ни на каких-либо иных дохристианских историков, кроме Саллюстия, что позволяет предположить, что его познания в классической историографии были фрагментарными.

Подытоживая вышесказанное, следует подчеркнуть несколько ключевых моментов. Первое: по крайней мере, в латиноязычной традиции историописания понимание истории на протяжении всего периода Античности опиралось на концепцию свидетельствования. Исторический нарратив жестко связывался с описанием настоящего, актуального, в той же, а иногда и большей степени, чем прошлого, отчего позиция историка коррелирует с позицией свидетеля и очевидца. Следует отметить серьезный семантический зазор между этим пониманием и современными контекстами понятия «историк»: античный концепт соотносится не с изучением прошлого, но скорее с репортажем с места событий. Второе: при оценке качества исторического сочинения приоритетной характеристикой является истинность

как правдивое отражение событий – что закономерно вытекает из роли историка как свидетеля. Третье: менее очевидно, но также закономерно, что требование истинности не элиминирует личностную позицию самого историка, но, напротив, делает ее принципиально важной, а само историографическое высказывание одновременно отображает проблемную повестку дня и формирует ее. Четвертое: значимость историка в том, что он создает (или, в дискурсе свидетельствования, фиксирует) образцы поступков (деяния), которые могут использоваться как прецеденты. Пятое: роль историка как свидетеля и транслятора истинных прецедентов сохранилась и в христианской историографии, что позволяет говорить о преемственности между языческими и христианскими авторами (вопреки бытующему мнению о разрыве в традиции историописания). Шестое: тезис об упадке историописания на Западе представляется преувеличением, а относительно меньшее количество исторических работ, чем на Востоке, можно объяснить не столь острой необходимостью осуществлять политическое и идеологическое высказывание или ситуативной предпочтительностью других форм такого высказывания. Седьмое: несмотря на приоритет, отдаваемый христианским историкам, знание классической дохристианской историографической традиции в V–VI вв. было широко распространено, существуя, скорее, по умолчанию, как очевидная характеристика образованного человека. Это знание актуализировалось в форме риторических образцов, афористичных цитат и грамматических шаблонов, но также и прямых отсылок в случае совпадающего контекста, в частности при оценке позиции историка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Koselleck R. *Historia Magistra Vitae. Über die Auflösung des Topos im Horizont neuzeitlich bewegter Geschichte.* // Koselleck R. *Vergangene Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten.* Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1995.
2. Koselleck R. *Linguistic Change and the History of Events* // Koselleck R. *Sediments of Time: On Possible Histories.* Stanford University Press, 2018.
3. Геллий Авл. *Аттические ночи.* СПб. : ИЦ Гуманитарная академия, 2007.
4. Вергилий. *Энеида.* С комментариями Сервия. М. : Лабиринт, 2001.
5. *Словарь основных исторических понятий.* М. : Новое литературное обозрение, 2014. Т. 1.
6. Исидор Севильский. *Этимологии, или Начала в XX книгах.* Книги I–III: Семь свободных искусств. СПб. : Евразия, 2006.
7. Савельева И.М., Полетаев А.В. *Знание о прошлом: теория и история.* Т. 1: *Конструирование прошлого.* СПб. : Наука, 2003.
8. Momigliano A. *Pagan and Christian Historiography in the Fourth Century A.D.* // *The Conflict Between Paganism and Christianity in the Fourth Century.* Oxford : Clarendon Press, 1963.
9. Сидоров А.И. «Черная кошка в темной комнате»: формирование традиций историописания в раннесредневековой Европе // *Локальные исторические культуры и традиции историописания.* М. : ИВИ РАН, 2011.
10. Liebeschuetz W. *Pagan Historiography and the Decline of the Empire* // *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity.* Brill, 2003.
11. Leppin H. *Church Historians: Socrates, Sozomenus and Theodoretus* // *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity.* Brill, 2003.
12. Rohrbacher D. *The Historians of Late Antiquity.* Routledge, 2002.
13. Тюленев В.М. Павел Орозий и его «История против язычников» // Павел Орозий. *История против язычников.* СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2004.
14. Zecchini G. *Jerome, Orosius and the Western Chronicles* // *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity.* Brill, 2003.
15. Старостин Д.Н. *Идея истории у Сульпиция Севера* // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2013. № 13. С. 403–414.
16. Гене Б. *История и историческая культура Средневекового Запада.* М. : Языки славянской культуры, 2002.
17. Турский Г. *История франков.* М. : Наука, 1987.
18. Старостин Д.Н. *Григорий Турский и проблема региональной культуры историописания в Галлии VI в.* // *Локальные исторические культуры и традиции историописания.* М. : ИВИ РАН, 2011.
19. Савукова В.Д. *Григорий Турский и его сочинение* // Турский Г. *История франков.* М. : Наука, 1987.

Статья представлена научной редакцией «История» 25 декабря 2019 г.

Witness and Christian: Historical Writing in Late Antiquity

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 462, 121–126.

DOI: 10.17223/15617793/462/16

Dmitriy S. Konkov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dkonkov@mail.ru

Keywords: historiography; history of concepts; late antiquity; historiography of Roman Empire; Christianity in Roman Empire; continuity of tradition.

When we begin to study historical sources and, in particular, works of the genre of historical writing, we should understand how the authors of these texts perceived their activities. The understanding of the meaning of historical writing in a particular historical period, the tasks and requirements that are set for the author is the basis for a reasoned decoding of a historical text. Similar research work is currently underway in the history of concepts. Reinhart Koselleck worked on the problem of historical shifts in the understanding of historical writing in his articles on the modern period and the Enlightenment. The aim of this article is to elicit an understanding of historical writing in late antiquity by adjusting existing historiographic positions. The toolkit of history of concepts is used to achieve this aim. The period of late antiquity is traditionally regarded as the decline of literature skills, including historical writing. However, it seems that this historiographic position arose more as a result of the steady discursive pattern of Latin authors than as a reflection of the actual situation of late antiquity. Researchers' attention to this period has grown significantly since the 1990s, but, at the same time, the concept of historical writing was not significantly revised. The image of the period as a decline extended to historical writing. The departure from the classical tradition of historiography was associated with the spread of Christianity in the empire. Christianity offered different guidelines in the past, shifted value priorities replacing historical precedents with the Old Testament and evangelical examples. In addition, the genre of historical writing within the framework of Christianity was transformed into the history of the church, changing its purposes to describe the ideological and political struggle of various religious factions and to make apologetics of the Christian worldview as opposed to the pagan one. However, despite the validity of such notions, it should be emphasized that the spread of Christianity was not a crucial factor that influenced the change in priorities in historical writing. Moreover, the positioning of historical writing as a statement of truth about current events remained unchanged. That means that the understanding of the activity of the author of a historical work did not undergo significant shifts in the period of late antiquity compared to the classical one. The main changes affected the subject matter of historical writing, that is, a sample of precedents that the authors considered necessary to describe within the framework of their current priorities. This conclusion is also confirmed by the fact that most Latin Christian historians directly or indirectly point out that they are based not only on their Christian predecessors, but also on pagan classics. The knowledge of the latter was included in grammatical and rhetorical education at least in the form of epitomes, and served as a source of direct and indirect quotes, imitations and stylizations – not as explicit as, for example, Christian patristics, but rather, by default, as a kind of conventional agreement.

REFERENCES

1. Koselleck, R. (1995) *Historia Magistra Vitae. Über die Auflösung des Topos im Horizont neuzeitlich bewegter Geschichte*. In: Koselleck, R. *Vergangene Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
2. Koselleck, R. (2018) Linguistic Change and the History of Events. In: Franzel, S. & Hoffmann, S.-L. (eds) *Sediments of Time: On Possible Histories*. Stanford University Press.
3. Gellius, Aulus. (2007) *Atticheskie nochi* [Attic nights]. Translated from Latin. St. Petersburg: IT's Gumanitarnaya akademiya.
4. Virgil. (2001) *Eneida. S kommentariyami Serviya* [Aeneid. With Servius's commentary]. Translated from Latin. Moscow: Labirint.
5. Zaretskiy, Yu., Levinson, K., & Shirle, I. (2014) *Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatiy* [Dictionary of basic historical concepts]. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
6. Isidore of Seville. (2006) *Etimologii, ili Nachala v XX knigakh* [The etymologies, or Origins: In XX books]. Translated from Latin. Books I–III. St. Petersburg: Evraziya.
7. Savel'eva, I.M. & Poletaev, A.V. (2003) *Znanie o proshlom: teoriya i istoriya* [Knowledge of the past: Theory and history]. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka.
8. Momigliano, A. (1963) Pagan and Christian Historiography in the Fourth Century A.D. In: Momigliano, A. (ed.) *The Conflict Between Paganism and Christianity in the Fourth Century*. Oxford: Clarendon Press.
9. Sidorov, A.I. (2011) “Chernaya koshka v temnoy komnate”: formirovaniye traditsiy istoriopisaniya v rannesrednevekovoy Evrope [“A black cat in a dark room”: Formation of historical writing traditions in early medieval Europe]. In: Sidorov, A.I. (ed.) *Lokal'nye istoricheskie kul'tury i traditsii istoriopisaniya* [Local historical cultures and historical writing traditions]. Moscow: Institute of World History, RAS.
10. Liebeschuetz, W. (2003) Pagan Historiography and the Decline of the Empire. In: Marasco, G. (ed.) *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity*. Brill.
11. Leppin, H. (2003) Church Historians: Socrates, Sozomenus and Theodoretus. In: Marasco, G. (ed.) *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity*. Brill.
12. Rohrbacher, D. (2002) *The Historians of Late Antiquity*. Routledge.
13. Tyulenev, V.M. (2004) Pavel Oroziy i ego “Istoriya protiv yazychnikov” [Paul Orosius and his “History against the pagans”]. In: Paul Orosius. *Istoriya protiv yazychnikov* [History against the pagans]. Translated from Latin. St. Petersburg: Izd-vo Olega Abyshko.
14. Zecchini, G. (2003) Jerome, Orosius and the Western Chronicles. In: Marasco, G. (ed.) *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity*. Brill.
15. Starostin, D.N. (2013) The ideas of history in the works of Sulpicius Severus. *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira*. 13. pp. 403–414. (In Russian).
16. Gene, B. (2002) *Istoriya i istoricheskaya kul'tura Srednevekovogo Zapada* [History and historical culture of the Medieval West]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
17. Turskiy, G. (1987) *Istoriya frankov* [History of the Franks]. Moscow: Nauka.
18. Starostin, D.N. (2011) Grigoriy Turskiy i problema regional'noy kul'tury istoriopisaniya v Gallii VI v. [Gregory of Tours and the problem of the regional culture of historical writing in the 6th-century Gaul]. In: Sidorov, A.I. (ed.) *Lokal'nye istoricheskie kul'tury i traditsii istoriopisaniya* [Local historical cultures and historical writing traditions]. Moscow: Institute of World History, RAS.
19. Savukova, V.D. (1987) Grigoriy Turskiy i ego sochinenie [Gregory of Tours and his writing]. In: Gregory of Tours. *Istoriya frankov* [History of the Franks]. Translated from Latin. Moscow: Nauka.

Received: 25 December 2019